

НЕСКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

Семинар «Люди и тексты» работает ежемесячно уже больше десяти лет. И наши коллеги не перестают удивлять участников заседаний своей увлеченностью, профессионализмом, высочайшим научным классом исполнения совершенно новых тем, заставляя их блистать с необыкновенной силой. Дискуссии по докладам показывают поистине неисчерпаемые возможности исторической науки.

В 11 выпуске ежегодника «Люди и тексты» мы публикуем статьи, которые были подготовлены учеными по итогам выступлений и их обсуждений в семинаре в 2017 году. Игорь Евгеньевич Суриков открыл для отечественной науки и культуры имя практически неизвестного афинского философа, правоведа, политика V в. до н.э. Антифонта. О нем совсем мало исследований, более того, в традиции ошибочно персонифицировали двух Антифонтосов. Разъяснению этого казуса, реконструкции биографии Анитифонта и изучению его текстов Игорь Евгеньевич посвятил уже более полутора десятков статей и опубликовал выполненные им переводы¹ полностью сохранившихся текстов и фрагментов недошедших сочинений Антифонта – первого из десяти аттических ораторов. Что было особенно интересно для участников семинара? Античная культура заложила основы западноевропейского историописания, особенно важную роль в этом сыграли сочинения древнегреческих историков Геродота, по крылатому выражению Цицерона «отца истории», и основателя аналитического историописания Фукидида. В его «Истории» особенная роль отводится речам, когда контекст оправдывает их появление. Построение этих речей довольно сложное. Фукидид передает мысли деятелей в своей собственной манере, а в тех случаях, когда нет возможности прибегнуть к записям или памяти, сам сочиняет соответствовавшую случаю речь. Эти речи вносят в чисто повествовательный труд драматические эффекты. Антифонт, учитель красноречия, был наставником и другом Фукидида. Игорь Евгеньевич выдвигает версию, что именно Антифонт мастерки составлявший судебные речи, оказал влияние на Фукидида-историка, освоившего и талантливо использовавшего уроки ораторского мастерства своего старшего товарища. Фукидид относился к нему с чувством глубокого уважения, о чем свидетельствует его высокая оценка нрав-

---

¹ Антифонт. Речи / пер., научная статья, комментарии И.Е. Сурикова // Вестник древней истории, 2015, № 1-3.

ственных и профессиональных качеств Антифонта: «...Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор... Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего времени»². Тем не менее, Антифонт был казнен за государственную измену и, несмотря на это, Фукидид очень скупой на похвалы, всего через несколько лет после смерти своего учителя, дает ему самую превосходную характеристику. По мнению, Игоря Евгеньевича, значительное влияние творческой манеры Антифонта в сочинении Фукидида очевидно.

В дидактический средневековый корпус входили в основном античные поэты и, главным образом, Овидий и Вергилий. Именно по их сочинениям изучали латинский язык. Однако, история, не вошедшая в состав учебных дисциплин «Семи свободных искусств», вызвала большой интерес. А.И. Сидоров высказал предположение, что уже в раннее Средневековье появились сочинения, которые можно считать своеобразными «пособиями» по истории и которые использовались в образовательных целях. Александр Иванович под этим углом зрения представил три сочинения – «Песнь о начале и происхождении народа франков», адресованную западно-франкскому королю Карлу Лысому; выписки из «Жизнеописания цезарей» Светония, сделанные Лупом Ферьерским; небольшую историческую компиляцию, известную ныне как «Краткая история франков». Первый комментированный перевод этого текста на русский язык выполнен Александром Ивановичем и дан в приложении к статье. Не вызывает сомнений, что это действительно образцы историописания, довольно небольшие по объему, написанные незамысловатым языком. Но истинные цели создания этих источников для нас остаются неизвестными. Хотя, вероятно, такие тексты могли использоваться в процессе воспитания юных государей, не отягощенных пока еще практическим опытом управления королевством и постигающих его на ярких исторических примерах.

История исторического знания, исторической науки является важнейшей частью высшего профессионального образования историков. Сотрудники Центра истории исторического знания разработали свой, совершенно уникальный авторский курс по этой дисциплине. При его под-

---

² Фукидид. История. VIII.68.

готовке мы столкнулись с проблемой понимания и объяснения такого феномена как средневековая анналистика. А.И. Сидоров дал такое определение: «Анналы (или точнее тексты, которые сегодня принято называть анналами) представляли собой, прежде всего, *способ христианизации времени* в сочетании с явной потребностью к текстуальному оформлению меморативных практик»³. Он выделяет два вида анналистики – хронологическую (малая) и нарративную (большая). Тут, казалось бы, все ясно, в погодных записях осваивается новая темпоральность, основанная на Священной истории – вводится христианская система летосчисления. Но какова природа этих текстов, каково их содержательное предназначение (для чего их писали?), как возникла и изменялась историографическая традиция в использовании термина «средневековые анналы»?

С.Г. Мереминский в своем выступлении сформулировал проблему несколько иначе: средневековая анналистика – это особая форма историописания (этого, собственно, придерживается А.И. Сидоров) или историографический миф? Станислав Григорьевич на основе источников проанализировал происхождение, бытование в Античности и Средних веках, трансформацию в исторической науке Нового времени понятий «хроника», «история», «анналы» и «анналистика». И на основании анализа кодикологических контекстов пришел к выводу о принципиально разных истоках и характере «большой» и «малой» анналистики. Он проследил основную историю понятия «анналы» (*Annales*) и попытался заново взглянуть на некоторые тексты, в современной науке включаемые в понятие «анналистика». Мереминский пришел к выводу, что в современной медиевистике проблемы содержания понятия «анналистика» и самой целесообразности использования этого понятия нельзя считать полностью решенными. Мы оперируем, вводим в научный оборот и образовательные практики слова, которые отражают разные явления, порой явления настолько сложные, что мы не всегда понимаем их глубины. Но в данном случае нам достаточно названия, так как это провоцирует исследование, поиск ответа на вопрос, что же конкретно скрывается за этим термином? Ответа, как я понимаю, пока нет.

---

³ Сидоров А.И. Историописание в раннесредневековой Западной Европе // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья. СПб., 2011. С. 14-18.

Темпоральности истории посвящена статья С.В. Алексева, точнее – репрезентации исторического времени в старосербских средневековых литературных памятниках. Даты от Сотворения мира или от Рождества Христова в сербской литературной традиции отсутствуют до 70-х гг. XIV в., когда в «Старшей сербской летописи» появилось летосчисление «от Сотворения мира». Сергей Викторович делает предположение о том, что на такое весьма специфическое отражение исторического времени в сербских средневековых сочинениях повлияли архаические представления о цикличности истории и «обновляющей» функции сакрализируемого правителя.

Настоящим научным открытием можно считать результаты исследования «Норманской хроники Пьера Кошона», проведенного М.В. Аникиевым. До сих пор считалось, что вся рукопись была написана одним автором, апостольским нотариусом и священником в церковном суде Руана Пьером Кошоном. Однако на основе палеографического и текстологического анализа Михаил Владимирович убедительно доказал, что первая и наибольшая часть манускрипта была написана другим автором, который, вероятно, был старшим современником, земляком и сослуживцем Пьера Кошона. Этот анонимный автор по неизвестным причинам прервал свою работу. Его продолжателем стал Пьер Кошон, написавший заключительную часть манускрипта. Михаил Владимирович опровергает историографическую традицию, на которой основываются десятки и сотни научных исследований. В XIX в. историки-архивисты Огюст Валле де Виривиль и Шарль де Робийяр де Борепэр опубликовали этот манускрипт под авторством Пьера Кошона в двух разных изданиях под названиями «Нормандская хроника» и «Руанская хроника». Название «Хроника Пьера Кошона» быстро утвердилось в научной среде и не подвергалось сомнению вплоть до настоящего времени. Проведенный М.В. Аникиевым анализ оригинального текста позволил не только точно установить двойное авторство источника, но и более точно определить его тип. По структуре рукописного нарративного источника очевидно, что его правильнее атрибутировать не как хронику, а как вид исторических записок. Конечно, было бы очень правильно перевести эту статью на французский язык и сделать ее доступной нашим зарубежным коллегам.

Безусловный интерес вызвал бы у них и доклад В.В. Шишкина, который был посвящен анализу дипломатической переписки в XVI в., которая хранится в коллекции русского библиофила, дипломата Петра Петровича Дубровского в фондах Российской национальной библио-

теки в Санкт-Петербурге. В первой части доклада Владимир Владимирович сосредоточился на истории и судьбе Петра Дубровского и перипетиях истории его коллекции (<http://www.worldhist.ru/News/384/11255/>). Работая много лет за границей, Петр Петрович собрал в своей антикварной книжной коллекции около 400 экземпляров самых разнообразных средневековых манускриптов – греческих, славянских, исламских. Однако подлинной его любовью стали западноевропейские рукописи, особенно экземпляры, украшенные миниатюрами, иллюстрированные рукописи. В 1792 г. он вывез из Франции в Российскую империю обширное собрание редких средневековых книг и автографов. По значимости эта коллекция уступает только аналогичным собраниям Французской национальной библиотеки и Британского музея в Лондоне. В статье отражена только вторая часть его доклада, имеющая непосредственное отношение к франко-португальской дипломатической корреспонденции 1550-х – 1570-х гг. В.В. Шишкину удалось показать своеобразное закулисье европейской дипломатии XVI в., за которым готовились важнейшие шаги в сфере международных отношений.

Деятельность дипломатических миссий всегда довольно тесно была связана с работой спецслужб. Силловые ведомства России имеют богатое прошлое. Ведомственная история отечественной госбезопасности ведет свой отчет от Приказа тайных дел, основанного царем Алексеем Михайловичем в 1654 г. С тех пор учреждения, выполнявшие функции расследования политических преступлений и розыска государственных преступников, существовали постоянно. Работа этих ведомств всегда вызывала интерес, который сохраняется и сегодня. Малоизученной странице этой истории посвящена статья Т.В. Черниковой, в которой анализируется комплекс архивных документов канцелярии Тайных розыскных дел, отражающих практику политического сыска времён Анны Иоанновны. Архив канцелярии сохранился почти полностью и в него входят дела, отражающие все этапы следствия, суда и исполнения приговора; протоколы отдельных частей следствия и экстракты из них; именные указы по отдельным процессам; «Журнал» канцелярии, содержащий поручения и приказы её начальника; списки заключённых. Татьяна Васильевна проанализировала структуру и штат органов политического сыска XVIII в. и показала, что эти документы позволяют судить не только о внутривнутриполитических реалиях того времени, но и об уровне политического сознания общества. В то же время, целый ряд вопросов, связанных с изучением этого архивного комплекса документов, остается открытым.

М.С. Бобкова